

К. 556/44r

К Р О К О Д И Л

№ 26 — 27 МОСКВА 1944

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

Рис. Л. Бродаты

В Германии за ненадобностью ликвидировано министерство по делам восточных областей, возглавляемое Розенбергом.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

— Ты хоть брехать можешь — тебя Геббельс к себе на службу возьмёт. А мне с Розенбергом куда податься?

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ЖЕНЕВА. Здесь стало известно, что на украинские и прибалтийские фронты доставлена большая партия новых «котлов» разных размеров, изготовленных русскими.

БЕРЛИН. Военные «крути» Берлина подтверждают, что 57 600 немецких солдат и офицеров во главе с 19 генералами вышты из окружения в Белоруссии и 17 июля в полном порядке проследовали через Москву.

БЕРЛИН. Немецкая печать, касаясь заявления пленённого русскими генерал-лейтенанта Гофмайстера о том, что «Гитлер выглядит больным, опухшее лицо, тихий голос и путанный разговор», отмечает недалёковидность генерал-лейтенанта. «Это ещё что! — пишут газеты. — Посмотрел бы Гофмайстер, как будет выглядеть фюрер через 2—3 недели!»

БЕРЛИН. Гитлер издал приказ о том, что в связи с приближением Красной Армии к Восточной Пруссии последнюю в дальнейшем считать не представляющей для Германии никакого интереса.

КЕНИГСБЕРГ. В местных взволнованных кругах заявляют, что гаулейтер Восточной Пруссии Кох, бывший гаулейтер Украины, в скором будущем приступит к исполнению обязанностей бывшего гаулейтера Восточной Пруссии.

СТОКГОЛЬМ. Адьютант Гитлера на вопрос шведского корреспондента: «Чем теперь занят Гитлер?» — сообщил: «Фюрер, ожестившись на полковнике, дуется на генералов».

ЖЕНЕВА. Здесь передают, что Геринг, увидев ожоги на лице Гитлера, воскликнул: «В вашем лице, фюрер, мы получили по физиономии!»

СОН ЗЛОВЕЩИЙ, ЗЕЛО ВЕЩИЙ

Под бетонным потолком, под железным колпаком фюрер спит в подземной спальне, страхом скрючена рука, острый нос на роже сальной, под глазами два мешка, над губой торчит щетина, спит Адольф-полумужчина, над Берлином бомбопад, остальные все не спят.

Мимо спальни ходят слуги, сообщают тихо слухи:
— Говорят... опять котёл...
...Русс... до Пруссии дошёл...
Говорят... Иван уже...
на германском рубеже...
.. Говорят... попался Гаман...
Расстрелял сто тысяч там он.
...Как податься нам в Мадрид...
...Тише, с фюрером припадок...
Сон его теперь несладок,
он рычит, он говорит...

Фюрер спит под колпаком,
под бетонным потолком
на лице его ожоги,
забинтованные ноги.
Фюрер мечется в постели,

он увидел вещий сон,
что два раза был расстрелян
и сто раз повешен он.
Видел он в своём кошмаре,
что по длинному шоссе
он шагал, его по харе
били, били, били все.
Он проснулся весь в поту
и уперся в темноту.

У дверей стоит охрана —
два эсэсовских уркана,
говорят между собой:
— Дело — дрэк, конец плохой.
— Я один замучил триста
русских пленных большевиков.
— Нас в Швейцарии найдут.
И в Испании! И тут!..
Может, фюрера угробить?
Нас помилуют, должно быть!..

Под бетонным потолком,
под железным колпаком
Гитлер пальцем карту мерит,
веки щурит, зубы щерит:
— ...До границы сорок точно,
за три дня пройдут они...
Сто — по Пруссии Восточной,
тоже считанные дни...
От Варшавы до Берлина
всей дороги половина!..
А они — идут, идут,
скоро, скоро будут тут!
Надо золото скорее
отослать за Пиренеи...
Бриллиант зашить под кожу!..
Ужас корчит злую рожу,
истекает пеной рот,
жёрным мучимый недугом,
слышит он — шаги за Бугом,
видит свой последний год,
чует он петлю на шее
и на набережной Шпрее
слышит голос: — Суд идёт!

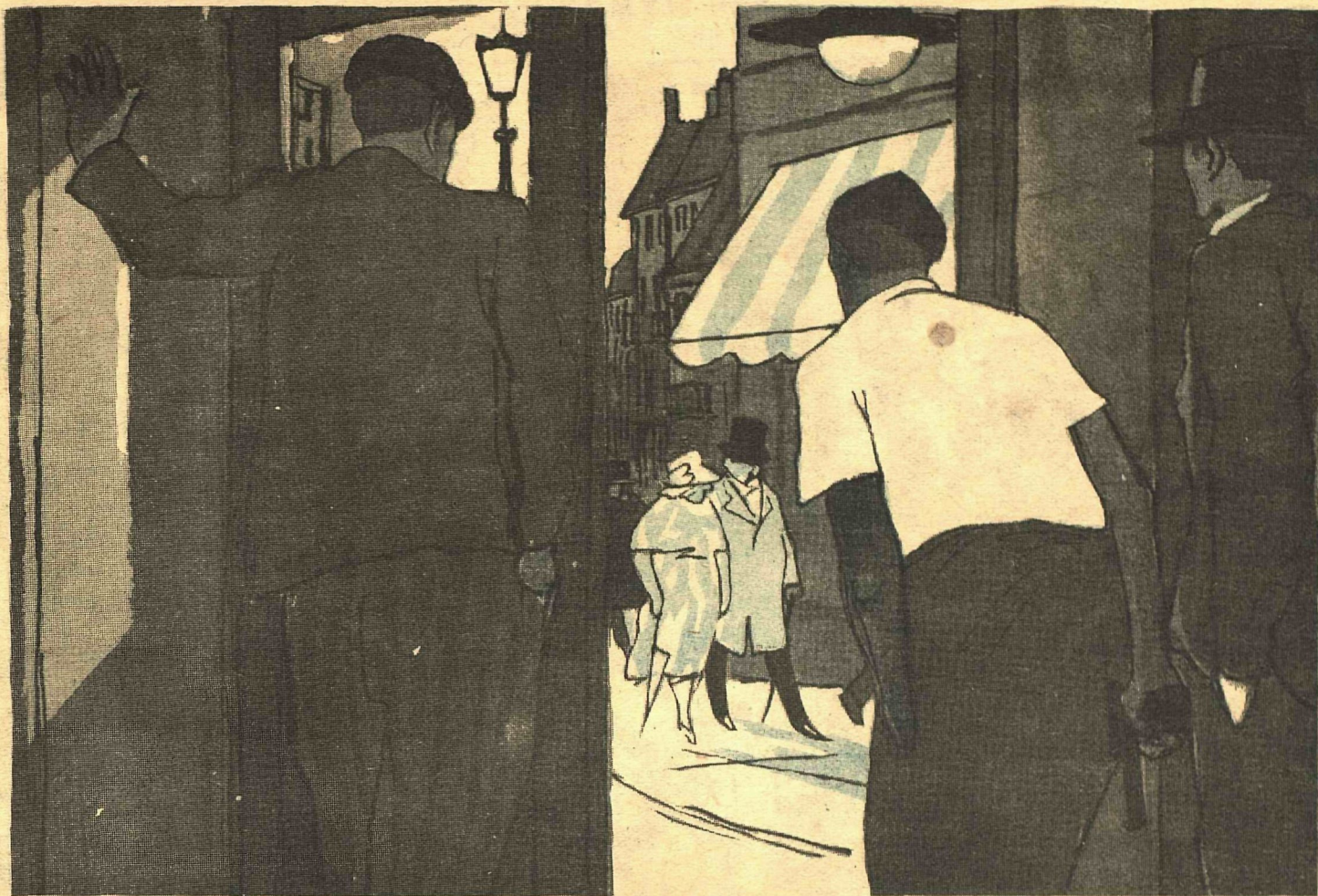
Семён КИРСАНОВ

Рис. Ю. Гаффа

АРИЯ ГИТЛЕРА ИЗ ОПЕРЫ «ПИКОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»

— Три карты!.. Три карты!.. Три карты!..

— Вот идёт начальник полиции со своей вдовой.

«Спринтер» ✓

ДЕД Свирид сидит на завалинке. Лицо у него красное, почти багровое. И дышит тяжело: «Гу-гу! Гу!»

На моё «поздоров боже» отвечает так резко, что я сразу назад отступаю.

— Дышаю,— значит, здоров!

— Больно тяжело дышите.

— Задышишь!

— Что это с вами,— спрашиваю,— господа помилуй, вроде не отдышитесь никак?

— Деда своего вспомнул.

— Жёсткий, видать, дед у вас был,— при одном только воспоминании чуть не задохлись!

— Не жёсткий, а правильный.

— Оттого и не отдышитесь никак, что правильный?

— Правильный, говорю!.. Вожжой стегал.

— Кого?

— Бабу!

— Ничего не понимаю!

— Я, говорит, её худым словом ни разу не обозвал, а с утра пораньше вожжой протяну раз—другой,— в хате и тихо.

— Кто? Кого? Какой вожжой?

— Дед мой. Бабу свою. Ремённой вожжой.

— Ничего не понимаю.

— Ступай, душа, на луга, там враз поймёшь.

— Нет, дядусь, вы сегодня какой-то такой, чи сердитый, чи озабоченный... Вы мне толком скажите: что случилось?

— Не скажу.

— Секрет?

— Такой секрет, что едва ноги унёс!

— От кого?

— От женщин!

— Ну что ж,— отвечаю,— хлопок вы хоть куда, едва восемьдесят девять стукнуло... Ничего не попишешь! Природа своего требует... Что поделаешь, диду, любишь кататься — люби и саночки возить... А что ж вас напугало? Ревность или страсти огонь?

— Мантачка! ¹.

— Ну, диду, с вами сегодня поладить трудно!

— А мне, думаете, легко? Псаломщицко глинище знаете?

— Ну знаю!

— Перепрыгнул. Лет пятьдесят так не прыгал.

— Можно ж было обминуть!

— Враз поймали б! Слава тебе, господа, спидница нынче узка пошла. Будь у Ганки широкая спидница, ни за что не удрать бы! Спидница узкая — разлёту мало — не осилила глинища, упала.

— Ганка... Нашли за кем ухаживать?.. Ганка — женщина строгая! Бригадир!

— Да что вы заладили! «Природа требует», «ухаживать»... На лугу были?

— Ну, были!

— Кто косит, выдали?

— Выдал. Бабы косят.

— Вот то-то и оно-то. Веками косовица — мужское дело! А теперь, глянь, куда повернуло! Женщина с косой в руках. Не только, значит, на голове коса, а и в руках. И при косе — мантачка. Поняли? Ну, пришёл я туда, смех меня разбирает. Драстуйте, говорю, косарики-сударики!

— Драстуйте,— отвечают.

Сел, закурил, гляжу.

— На пятку,— смеюсь,— валягай на пятку!..

Ганна сердито взглянула на меня. А я ей:

— Ежели уж закосила, то и штаны б уже носила!

Эх, тут она как вскипит:

— А ну, девочки, мантачок деду!

— Та, говорю вам, лет с пятьдесят так не бегал. Добро, что луга от огородов недалече...

— Значит, на короткую дистанцию бежали? Спринтер вроде?

— Как говорите?

— Спринтер, говорю. Это когда на короткое расстояние...

— Да, слава те, не на долгое: сразу же за огородами. А-таки не спринтив, удрал!

— Да то они, дедушка, пошутили...

— Какой чорт, косят исправно. Ежели б и мантачок так дали б, как косят — какие шутки? Только вы того.. не говорите никому, засмеют.

— Засмеют — это не беда, а если узнают, что так бегать мастер, враз в футбольную команду заберут. Ну, сперва не форвардом, а что голкипером — уж это беспременно...

— Да... Теперича так... Тепер баба пошла другая, гордая. Её вожжой не испугаешь. Сильная теперича движения... Внучка моя Яринка, девятнадцатый пошёл, в зенитчицах сна! Всё перевернулось.

— Ну, что ж, диду, будь по-вашему. Молчок, так молчок!

— Вы не подумайте, что я этим, гвалткитером, чи как его, не хочу, дезертирую вроде... Не! Надо, так надо! Только ж, сами видите, какая тепер движения. Женщина вся в косарях, а если ещё и меня заберут, с гусятами тормоз Вестингауза получится. Гусята, того и гляди, вылупятся начнут, а зоотехник сказал, что не простое, а массивированное пойдёт вылупление. Выпасу вот гусят, тогда можно ещё годок — другой в гвалткитерах побегать... Для народа чего не сделаешь! А пока — молчок!

— Молчу, диду!

...Молчите и вы!

Остап ВИШНЯ
Перевод с украинского
Татьяны СТАХ

¹ Узкая лопата для обточки косы.

ЛЕС ШУМИТ

Рис. Бор. Ефимова

Каждый немецкий генерал носит в своем ранце солдатский мундир (на всякий случай).

— На кого мы с тобой похожи, Фриц!..
— Скорей всего на битую птицу.

Как гвардии сержант Иванов и его товарищи попали в окружение.

ПРАЗДНЫЙ ВОПРОС
— Кукушка, кукушка! Сколько мне жить осталось?

Был здесь шишкинский пей-важ.
Но случился с ним пассаж:
Вместо толстых медвежат
Фрицы тошню лежат.

Бор. Ефимов. 44.

Привидение в старом замке

(Отрывки из немецкого исторического романа)

Глава XII

У ТРОМ из Берлина прибыл курьер с запечатанным пакетом. «Ну, что там ещё?» — подумал Альфред фон Розенберг. Он плохо спал и был дурно настроен. Дела складывались всё хуже и хуже. В письме был приказ об отмене поста гитлеровского наместника в Прибалтике. Геббельс сделал дружескую приписку: «Дорогой Альфред! Лавочка закрывается. Сматывайте удочки и не откладывайте приезда в Берлин. Иначе не останетесь в Риге и не застанете Берлина. Целую ручку и кланяюсь бабушке. Ваш Гебчик».

— Шут гороховый! — сказал Альфред. Он разорвал письмо и позвонил. — Пригласите управляющего замком, этого старого изменника! — сказал он адъютанту.

Латыш вошёл с неизменно бесстрастным выражением на своём лице. — Слушайте, вы! — сказал фон Розенберг. — Как вас? Мы уезжаем завтра. Временно. Понимаете, временно. Вы по-немецки понимаете? Временно.

— Понимаю, — сказал латыш. — Временно. Драпен зи гевезен.
— Что такое?
— Я говорю: драпен зи гевезен.
— Вы говорите по-немецки, как я по-русски. Драпен! Нет такого немецкого слова... Ладно. Чтобы всё в замке сохранилось! Вы отвечаете за портреты моих предков.

— Слушаю, — сказал бесстрастно латыш. — Портреты будут в таком же положении, какого и вам желаю.
Альфред фон Розенберг подозрительно покосился: — Что вы хотите этим сказать, старая крыса?
Латыш пожал плечами: — Ничего, барон, кроме того, что я желаю вам такой же сохранности, как портретам ваших уважаемых предков. Они очень прочно повешены.
— Хорошо, проваливайте!
Розенберг тяжело опустился в кресло. Он смотрел тупо перед собой.
— Каюк! — прошептал адъютант, закрывая за собой дверь.

Глава XVIII

Свечи тускло мерцали в огромном зале предков. За окном шумел ветер. В камине что-то выло.

Барон фон Розенберг швырнул под стол третью пустую бутылку. Он уже не замечал, что вслух продолжает свой разговор с предками.

— Смотрите на меня, оглядываете, — сказал он хрипло. — Думаете: вот и потомочек. Хорошо-с. Допустим, не вышло у меня. Не выгорело: Ну, а вы? Я вижу, вы, граф, усмехаетесь презрительно. Вы, мол, управляли Ливонией двадцать лет, замок построили... А чем всё это окончилось? Всё равно, по шапке дали. А вы, уважаемый прапрапрапрадедуська, где вы были во время битвы под Грюнвальдом? На портретах все вы хороши. На портрете я и сам буду хорош.

Потомок отпил из четвёртой бутылки и сказал: — Вот, объясните мне, предки, почему это у нас с вами ничего не выходит? Начинается как будто и хорошо. И приходим мы, и рассаживаемся, и всем объявляем, что это навечно. А потом, глядь, и спустили нас снова по исторической лестнице. На прошлой неделе я говорил о традициях германского рыцарства в Прибалтике. А традиции, чорт их возьми, таковы, что каждый раз вышибают нас отсюда. И кто же вышибает? Русские. В чём дело? Почему такое? Объясните, предки!

Барон уставился в портрет рыцаря с узкой бородкой, в латах и в плаще, на котором был вышит большой крест:

— Что, смеётесь? Как вы смеете улыбаться? Вы знаете, с кем говорите? Я барон Альфред фон Розенберг, наместник Адольфа Гитлера, король Остланда. А вы кто? Я вас знаю. Вы Вальтер фон Плеттенберг, рождения XV века, магистр Ливонского ордена. Я вас тут из милости повесил. А вы улыбаетесь! Молчать! Я вам покажу, хоть вы и предок! Я вас так повешу, что узнаете...

Барон был плохим стрелком. Бутылка угодила в стену, и только осколки посыпались на плащ барона Вальтера фон Плеттенберга...

Глава XXXI

Часы на башне старого рижского замка пробили полночь. Барон фон Розенберг проснулся словно от толчка. Он услышал, как открылась дверь, услышал тяжёлые шаги, бряцание металла. Он хотел крикнуть, но голос изменил ему. Высокий человек в латах грузно опустился на его кровать. Луч месяца скользнул сквозь занавес и осветил большой белый крест на плаще.

— Барон Вальтер! — сказал Альфред шопотом. — Фон Плеттенберг! Он сразу вспомнил всё, и хмель вылетел из его головы.

— Извините, — пролепетал он. — Я был пьян и не понимал, что делаю. Не обижайтесь, предок.

Рыцарь сказал: — Я не обиделся, Альфред. Я понимаю твоё положение. Я был в таком же. Выгнали. Бежал. Я хотел поделиться опытом, подать совет. Знаешь ли ты историю моей жизни?

— Не твёрдо, — признался Альфред. — Кажется, вы были славным магистром Ливонского ордена, совершили много подвигов, побеждали русских... Так?

— Не совсем так, — сказал бывший магистр. — Жаль, что вы, нынешние немцы, не хотите знать историю своего народа. Ваши историки врут

во славу фашизма. А вы бы хоть Соловьёва почитали. Он верно про нас написал. Не читали «Историю России» Соловьёва?

— Предок! — строго сказал Альфред. — Если бы вы не были привидением, я вас расстрелял бы в два счёта. Ну, а так... Рассказывайте! Привидение вздохнуло, свернуло папироску и начало свой рассказ...

Глава XXXII

— Это было давно, мой потомочек, — так начало привидение. — В 1501 году чорт меня попутал, я выступил против Москвы. Конечно, если бы я знал, чем это окончится, сидел бы я в своём Ливонском ордене и грабил потихоньку проезжающих купцов. Но я был молод и самоуверен.

Сначала мне повезло. В 1501 году я даже одержал победу над московским войском. У нас техника была тогда выше. У москвичей не было таких пушек. Бой шли тогда вот там, где теперь у Красной Армии третий Прибалтийский фронт. На том самом месте, к югу от Пскова и приключилось это...

Привидение горестно замолкло.

— Что же приключилось? — спросил потомок.

— А вот что. Начали нас бить. Ударили раз. Ударили два. И вдруг я чувствую, живот у меня болит. Ну, такое стало, что воевать невозможно... Бегу, за живот держусь, ищу такого места, где можно бы укрепиться на соответствующей позиции. Смотрю, мой помощник, барон фон Тузенпузен, уже сидит в этой самой позиции. Тоже — живот! Я кричу: «А где полковник?» А он отвечает: «На позиции полковник». «На какой?» — спрашиваю. Он говорит с натугой: «На такой самой».

И что же, мой потомочек, факт исторический: всё мое войско заняло эту самую позицию. Не скажу, чтобы они дрались, как орлы, или летали, скажем, как орлы. Но сидели все безусловно орлом. Тут и могло произойти чудо. Ветер-то от нас был. Ну, неприятель и остановился. Но потом снова нас погнало. Мы всю дорогу до самой Риги загадили. Так это у Соловьёва и описано: «Плеттенберг поспешил назад, потому что в полках его открылся кровавый понос, от которого занемог и сам магистр с больной ратью...»¹. Вот тогда, кажется, русские сложили пословицу: «Не хвались, идучи на рать...»

Так с поносом я и вошёл в историю моего народа, — закончило свой рассказ привидение. — Я вижу, мой потомок, и ты близок к этой славе предков. Так вот я и советую тебе запастись...

— Пошёл к чорту, предок паршивый! — закричал в бешенстве Альфред фон Розенберг — и проснулся.

В окнах брезжил мутный рассвет. Адъютант подавал штаны и говорил:

— Пора бежать, барон...

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

¹ «История России с древнейших времён», Сочинение С. М. Соловьёва. Том I, стр. 1486.

В НОРМАНДИИ

Рис. К. Елисева

— Ну, теперь Роммель опять нам покажет!
— Что?
— Спину.

— Почему у вас ничего не выходит с комедийным репертуаром?
— Боимся, как бы чего не вышло.

ПЕНЗЕНСКИЕ РАССКАЗЫ

1. ЧАЙ С ГОЛОВАСТИКАМИ

ГОД тому назад на нашей улице начала работать водоразборная колонка. Вода полилась здорово и упорно. Нажмёшь рычаг — идёт, опустишь — остановится. Даже не верилось, что это всерьёз. В первый день сбегалось к колонке много народу, все хотели захватить поближе очередь и тащили всякую посудину. Одна бабушка с Малой Фёдоровки принесла два ведра, бидон и медный самовар.

К самой колонке относились бережно и нажимать рычаг доверяли только опытным людям.

Однажды утром бабушка с Малой Фёдоровки пришла с водой чуть свет. Она нажала на рычаг, но вместо привычного весёлого журчания внутри трубы послышались хрип, приглушённое шипенье, и, наконец, показалась только мутная капля.

Через пять минут у колонки стояла толпа. Граждане-эксперты дёргали за рычаг, прикладываясь к трубе ухом.

— Скоро пойдёт? — нетерпеливо кричали из очереди.

— Скоро, скоро, — успокаивали энтузиасты-ремонтники, изо всех сил бухая по трубе.

Ещё через пять минут прекратилось и шипенье, а рычаг застыл на месте.

— Дави на него! — кричали энтузиасты. — Дави что есть мочи!

Давили. Не помогло.

Мы совершенно измучились с водой. Пили и дождевую, и снеговую, и речную, предвзвешенно вылавливая всяких микробов и головастика специальной сеточкой. Встречаясь с друзьями спрашиваешь не «Как дела?», а «Как вода?»

Несознательные граждане критиковали горисполком, горкомхоз, Водоканал, а сознательные избрали комиссию для доведения воды до потребителя. Комиссии поручили ходить в Водоканал, жаловаться в горисполком, писать письма в редакцию и выполнять всевозможные поручения.

Надних комиссия отчитывалась в своей годовой деятельности. Работу комиссии призна-

ли удовлетворительной. Товарищ, прикрепленный к Водоканалу, сообщил, что он подал 15 заявлений, 6 жалоб, 26 уведомлений и 48 заявок по телефону. Итого — 95. Десятка три постановлений о воде принял за это время Пензенский горисполком. Мы составили ещё одну жестокую резолюцию и пошли пить чай с головастиками.

2. ШАЛОСТИ ВЕТРА

ПО МОСКОВСКОЙ улице торопилась на очередное заседание горсанинспектор Крячко. Погода стояла скверная: ветер, пыль, мусор. И всё это целыми кучами летело в физиономию. Инспектор закрывалась растопыренной ладонью, смотрела сквозь пальцы или совсем закрывала глаза. Вдруг, не ухватилась вовремя моргнуть, как в глаз влетела щепка. Это, конечно, пустяк, а всё-таки неприятно. Говорят, что вытащить занозу инспектору стоило больших хлопот.

Но история на этом не кончилась. Вскоретов Крячко вызвала к себе заведующую Южным жилищным управлением Матвееву:

— Московская улица твоя или не твоя?

— Половина моя, — гордо ответила Матвеева. — А половина Певзнер, из Северного.

— Безобразие! Грязища, мусор. Во вторник мне щепка в глаз попала. Вы думаете наводить порядок или нет?

— Разрешите справочку, — обиделась Матвеева. — У меня целый год никаких строительных материалов. Откуда же тут щепки? Это определённо из Северного.

— Простите, товарищ Матвеева, авария случилась именно в Южном.

— Так точно, товарищ инспектор, я только говорю, что щепки-то из Северного. У меня ни одной пылинки. А в Северном — кучи всякой пакости. Поднялся ветер — и всё летит в мой район. Певзнер радуется: убирать улицы не надо. А я ей говорю: «Не радуйся, Вера Львовна, будет и с нашей стороны ветер».

— Убирать! — строго приказала инспектор. — Вы что? Голову с меня снять хотите? По Московской ходит всякое начальство.

Товарищ Павлов, например, наш председатель горисполкома, он разве тоже сквозь пальцы смотреть будет?

После этого разговора домоуправляющий Певзнер получила установку, разыскала дворничиху Семёновну и, сверля её строгим взором, спросила:

— Ты что делаешь? Через тебя трудящиеся увечья получают! Да что увечья! Тут тиф, грипп, животные болезни могут нагрянуть!

— Страшать всякий может, — веско заявила дворничиха. — За болезни я не отвечаю. И воздух мы чистить не приставлены. У меня на дворе ни одной холеры не найдёшь, а что наверху летают, нас это не касается.

«Справедливо сказано, — подумала управдом. — Ну и ветер! Так и крутит, так и вертит всякую дрянь».

— Лови, лови её! — вдруг кричит управдом. — Вот эту бумагу. Откуда её чорт несёт?

Дворник и управдом хватают бумагу и рассматривают её с видом экспертов.

— Селёдочная, — заключает управдом. — Определённо с рынка. Вишь, куда её занесло! Я говорю, что это не наш мусор.

Певзнер свёртывает вещественное доказательство и кладёт его в карман. А вечером пишет докладную записку о том, что в Южном домоуправлении наведена образцовая чистота, но мусор летит из Северного района. В Северном пишут обратное.

А ветер крутит и вертит городские смерчи. Среди пыли, тряпок, соломы и щепок мелькают обрывки каких-то обязательных распоряжений, утащенных ветром неизвестно из какого района и с какого стола.

Вас. ЮНЕЕВ

г. Пенза.

НЕ СПУСКАЯ ГЛАЗ...

НЕДАВНО я стою на трамвайной остановке и вдруг замечаю, что на меня пристально смотрит милиционер. Ну что ж такого, мало ли кто смотрит!

Я гляжу направо, и налево, и вскользь на милиционера. Буквально не спускает глаз! Пожимаю плечом и делаю неспеша двадцать пять шагов по линии, поворачиваюсь и... сталкиваюсь нос к носу с милиционером! Он шёл по пятам!

Рой мыслей поднимается у меня в голове: «Может быть, я перешла улицу поперёк?» Никогда! С детства приучена ходить везде и всегда вдоль и только вдоль! И никогда, ни где поперёк! Ручаюсь.

«Или у меня в лице что-нибудь подозрительное и я похожа на известного милиционера карманника?»

Нет и ещё раз нет! Я за своё лицо отвечаю. Самое среднее лицо, каких тысячи. Выражение обыкновенное. Интеллигентность, не бросающаяся в глаза, брови аккуратно выщипаны.

А милиционер, как удав кролика, поглощает меня взглядом.

Нет, я женщина нервная, я так больше не могу! Я сейчас пойду и скажу:

— Товарищ милиционер, простите, я больше не буду!

— Что не буду?

Ах, всё равно! Что нельзя, то и не буду. Но милиционер сам первый снимается с места и медленно приближается ко мне. О моё сердце!

— Гражданка...

Вот оно!

— Гражданка, я извиняюсь, я на вас всё время смотрю...

— Да, да, я вижу!

— ...Я смотрю и никак не пойму, извиняюсь — у вас юбочка расклёшена или в сборочку?

— Что?!

— Я говорю — юбочка? Потому что я хоть и милиционер, но всё же в конечном итоге девушка и этим вопросом сильно интересуюсь...

— Девушка, милая моя девушка! — слёзы благодарности подступают мне к горлу и мешают сказать, что юбка у меня... юбка — расклёшена!..

В. КАРБОВСКАЯ

Штукатурные новинки

ЗНАЕТЕ ли вы, какие материалы нужны для того, чтобы оштукатурить стену?

Малоопытный и наивный человек отвечает на этот вопрос длинной фразой:

— Для штукатурки нужна известька, нужен песок, нужен алебастр.

А человек, искушённый в ремонтно-строительных вопросах, скажет:

— Пол-литра!

Коротко и ясно. Хоть и не совсем трезво. На этом жаргоне говорят теперь многие и многие люди самых разных профессий.

Глянет иной сапожник на дырку в вашем голенище и тут же поставит диагноз:

— Пол-литра!

Посмотрит такой же портной на потрёпанные манжеты ваших многострадальных штанов и положит резолюцию:

— Пол-литра!

Полотёры, молочницы, плотники, шофёры, носильщики, дровосеки — и среди них попадаются такие, которые настойчиво твердят:

— Пол-литра!

Рассказывают даже такой случай. Пришла одна бойкая гражданка в детские ясли наняться няней. И сразу же, с первых слов, поставила условие:

— Пол-литра!

Няне, конечно, не дали живительной влаги. А прочим и иным дают.

Вот на этот полуплитровый путь и стали жильцы дома № 8, принадлежащего одному солидному московско-энскому заводу.

Но прежде чем пойти по этому пути, жильцы пошли по другому — и тот путь привёл их в кабинет тов. Денисова, помощника директора по быту.

— Так, мол, и так, дорогой товарищ Денисов, дом наш нуждается в серьёзном ремонте, штукатурка облупилась...

Нежно улыбаясь, Денисов ответил:

— Ремонт квартир — дело самих квартирантов.

Подумав немного, Денисов решил не ограничиться одним афоризмом. Приняв соответствующую позу, он со всем пылом своего горячего сердца выбросил лозунг:

— Побольше инициативы!

Пошли жильцы к тов. Платову, начальнику жилищно-коммунального отдела:

— Так, мол, и так, дорогой товарищ Пла-

тов. Собираемся ремонтировать свой дом. Но нет у нас ни известики, ни алебастра. Просим вашей помощи.

Платов вобрал в себя воздух, а затем ещё более горячо, чем Денисов, провозгласил:

— Побольше инициативы!

На заводе работают маляры. Пошли жильцы к малярам:

— Так, мол, и так, дорогие маляры. Штукатурить собираемся. А где взять известьку и алебастр?

Маляры скрутили по цыгарке, неспеша закурили, после чего дружно и согласованно воскликнули:

— Побольше инициативы!

Долго торговались. Поладили на пол-литре. И дали маляры жильцам известьку и алебастр. Малоопытный и наивный человек может на этом месте задать вопрос:

— Откуда у маляров известька и алебастр? Что у них, заводы свои, склады, полученные в наследство от покойных родителей?

А человек, искушённый в ремонтно-строительных вопросах, скажет:

— Маляры получают у того же Платова, у того же Денисова столько материалов, что хватает и для «обмена» на водку. Завод даёт малярам, маляры дают жильцам, а жильцы «дают» малярам.

И всё это почему-то называется «побольше инициативы!»

Странная инициатива! Измеряется она пол-литрами. Но очень плохого запаха. И очень скверного вкуса.

Г. РЫКЛИН

ПИСАЛИ — НЕ ГУЛЯЛИ

Вот какое удостоверение получил тов. Борейша:

Временное удостоверение
(Действительно на 6 месяцев)

Фамилия, имя, отчество — Борейша Сигизмунд Петрович

Время и место рождения — 1909 г. г. Минск

Национальность — рабочий

Соц. положение — не в/обязанный

Отношение к в/службе — русский

Авторам этого произведения следовало бы выдать такую справку:

Грустное удостоверение
(К сожалению, действительно)

Фамилия, имя, отчество — Шеломов, Кузнецова
Время и место рождения — 1944 г., г. Н.-Тагил, Свердловской обл.

Национальность — начальник милиции и начальник паспортного стола

Социальное положение — 1-е отделение милиции

Отношение к службе — сами видите, какое

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Что произошло бы, если бы Евгений Онегин, получив известное письмо Татьяны, отложил его в сторону и не стал читать? Чудак так бы до самой смерти ничего не узнал о любви этой чудной девушки.

Надо прямо сказать: я не Татьяна, а Калининский педагогический институт — не Онегин. И письма мои в институт вовсе не любовные, а, наоборот, деловые. Я хлопочу о восстановлении моей жены в правах студентки института, в котором она училась до войны.

Однако я и моя жена пишем, а институт молчит. Мы снова пишем, институт снова молчит...

И я в ожидании ответа, как Онегин, с горечью готов воскликнуть: «О жалкий жребий мой!»

Н. ГЕНЕРОЗОВ

Действующая армия.

Дорогой Крокодил!

Наконец в город Асбест (Свердловской области) прибыл фильм «Она защищает родину».

Когда об этой сногсшибательной новости узнал директор мехлесопункта Николай Фёдорович Фёдоров, в его глазах появился безумный огонёк и он заявил:

— Не я буду, а картину посмотрю!

И действительно, картину посмотрел. Но как?..

Картина была доставлена в мехлесопункт, все сотрудники и посетители, находившиеся там, были немедленно выставлены из учреждения, и Николай Фёдорович вместе со своим заместителем Ниной Анатольевной Унисихиной без всякой толкучки, суеты в полной тишине культурненько провели время.

Вот каким головокружительным трюком снабдил фильм «Она защищает родину» страстный любитель кино тов. Фёдоров.

С. ТРОПАШКО

Уважаемый Крокодил!

У нас в Уральске имеются: городской парк культуры, детский парк имени Пушкина и городской бульвар. Посетители очень довольны этими местами отдыха.

Так например посещаемость городского парка огромна. Об этом можно судить хотя бы по количеству вырубленных там деревьев. Причём для удобства публики уничтожение деревьев производится совершенно безвозмездно.

Не жалуются также на детский парк имени Пушкина и городской сквер взрослые козы и юные козлята. Они с удовольствием гуляют там и благословляют отдел благоустройства, который правильнее было бы назвать обществом покровительства животных.

Ф. УГАРОВ

г. Уральск.

ВАСИЛЕЧКИ-ВАСИЛЬКИ

— Какая на поле красота!.. И за эту красоту тебе же выговор объявили!..

Рис. А. Капеевского

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, И. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются. Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 руб. 60 коп. в месяц. Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 450. Подп. к печати 1/VIII 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000. А5225. Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1766. Тираж 100 000 экз.

Рис. Ю. Ганфа

Несладко немецким «фюрерам». События на фронте и внутри Германии заставляют их крепко задуматься о спасении своей обожжённой шкуры.
 Что делать? Как спастись? Предположим: нарядился Риббентроп огородным чучелом; Геббельс, пользуясь своей подходящей внешностью, загримировался обезьяной; Гиммлер напялил на себя костюм сестры милосердия; Гитлер и Геринг очень натурально изображают невинного младенца и кормилицу.
 Не поможет! Все сядут на скамью подсудимых, во что бы они ни нарядились.

35/44